

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 6 декабря 1881
24 ноября

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie. Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève. Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просятъ обращаться по тому же адресу.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Дѣйствительныя причины пригнетія и «недуха духа» русскаго человѣка. Моментъ, съ котораго окончилось историческое призваніе самодержавія въ Россіи; непрекращаемое вторженіе самодержавія въ народную жизнь затормозило естественное развитіе послѣдней; отказъ общества служить самодержавію. — 2) Формула «торжественнаго обѣщанія» членовъ «святой дружины». — 3) Историческая Польша и великорусская демократія, XV, М. Драгоманова. — 4) Изъ Петербурга (отъ нашего корреспондента), г-на И. Ф. — 5) Письмо въ редакцію «Вольнаго Слова» польской типографіи и отвѣтъ на него г-на Драгоманова. — 6) Хроника рабочаго движенія: IV. Великобританія. Стачки. Аграрное движеніе въ Ирландіи. Агитация среди сельскихъ наемныхъ рабочихъ. — 7) Составъ еврейской эмиграціи изъ Россіи. — 8) Библиографія. —

Женева, 6 декабря.

Мы указали въ предыдущей статьѣ, что единоличная верховная власть въ Россіи для водворенія гражданскаго мира ничего лучшаго не придумала, какъ сдѣлать низшій полицейскій чинъ носителемъ своей личной непогрѣшимости, размѣнять свой нравственный авторитетъ на повсемѣстный и никакимъ судомъ неограничиваемый произволъ блюстителей порядка. По недомыслию, разумѣется, но тѣмъ не менѣе добровольно, своими собственными руками, она сорвала съ себя такъ долго ослѣплявшій народныя массы ореолъ справедливости и откровенно признала себя безсиленною вести дальнейшую борьбу за существованіе иначе, какъ замкнувшись въ своего рода военный лагерь, окруживъ себя своего рода опричиною и отдавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на поруганіе полиціи и администраціи все населеніе поголовно, такъ какъ все населеніе поголовно ужалъ 4 сентября лишено правъ личной

свободы и спокойствія домашняго очага, ежечасно угрожаемаго нашествіемъ никѣмъ неконтролируемыхъ, никѣмъ и ничѣмъ несдерживаемыхъ и вполне чуждыхъ населенію, по духу и по чувству, всякаго раба охранителей, будто бы, общественной безопасности.

Неудивительно послѣ этого, что русскій человѣкъ „словно пригнетъ, пришибленъ“, что „сердце“ у него „щемитъ и ноетъ“, какъ свидѣтельствуемъ Ив. Аксаковъ, неистово покаяясь тѣни самодержавія и плача о грѣхѣ русской дипломатіи на Берлинскомъ конгрессѣ.

Пригнетіе, пришибленность, „недухъ духа“ современнаго русскаго человѣка стараются объяснить внѣшними причинами. Редакторъ „Руси“ и идущая за нимъ прихвостнею редакція „Новаго Времени“ толкуютъ, что „недухъ духа“ и „крамола“ пошли у насъ со дня „заушенія“ русскаго человѣка на Берлинскомъ конгрессѣ. Да развѣ до и послѣ Берлинскаго конгресса его не заушали начальствующія лица въ селахъ и деревняхъ? Развѣ Петербургская Ремесленная Управа не получила на дняхъ распоряженія столичнаго мирового судьи подвергнуть наказанію розгами 18-лѣтняго работника, виновнаго въ неповиновеніи хозяину? Развѣ въ Порховскомъ земскомъ собраніи не предлагали, тоже на дняхъ, наказывать розгами за пьянство, разумѣется, въ кабацѣ, а не во французскомъ ресторанѣ? Развѣ уничтожены тѣлесныя наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ? Развѣ крестьяншиа перестали драть за недомки, по желанію станового и вопреки закону? Развѣ волостной старшина не вправе посадить въ холодную любого изъ своихъ избирателей? Развѣ полиція не „заушаетъ“ всѣхъ и каждого, недостаточно проворно

посторонившагося, чтобы дать дорогу „высокопоставленному“ лицу? Развѣ она же, купно съ прокурорами и жандармами, не врывается въ жилища обывателей, какого бы званія и состоянія они ни были, во всякую пору дня и ночи и не производитъ обыски, — даже подъ юбками у женщинъ? Развѣ любо живется сосланнымъ по подозрѣнію въ мѣста, „куда Макарь телятъ не гонялъ“, и откуда возвращаютъ Овсянниковыхъ и ему подобныхъ дѣльцовъ, сосланныхъ по приговору суда общественной совѣсти? Развѣ всего этого недостаточно для пригнетія русскаго человѣка у себя дома, для того, чтобы отшибить крылья его творчеству, чтобы сдѣлать его духъ „недужнымъ“, а самого его заставить говорить вполголоса, дать себя уложить на больничную койку и лечить, — чортъ знаетъ, отъ какой болѣзни, — по рецептамъ власти, пекущейся о народномъ благосостояніи безъ воли и уполномочія народа?

Низложившее свою власть надъ народомъ въ руки мелкаго чиновничества, развѣчившее само себя отъ нравственнаго обаянія, самодержавіе не могло поступить иначе съ самаго того момента, когда кончилось его историческое призваніе. Этимъ конечнымъ моментомъ было освобожденіе крестьянъ.

Отбывъ послѣднюю обязанность высшаго государственнаго правосудія, самодержавіе должно было сойти съ высоты безпристрастнаго рѣшителя судебъ народа. Оно должно было послѣдовать примѣру судьи, который выходитъ изъ залы засѣданія немедленно по рѣшеніи спора между сторонами. За возстановленіемъ нарушеннаго права немедленно возобновляется естественное теченіе жизни, установленіе такихъ отношеній, которыя слагаются меж-

яется: „я не видѣлъ самъ текста этой формулы, а слышалъ только ея чтеніе однимъ изъ членовъ дружины; не имѣвши возможности сейчасъ же записать слышанное, я не помню, — было ли въ концѣ: „какъ добавляетъ“ или „насколько согласно съ долгемъ“ т. е., составляетъ ли это заключеніе простое повтореніе сказаннаго прежде, или ограниченіе повиновенія начальству дружины“.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

XV.

Обращался теперь къ обзору великорусской революціонной печати послѣднихъ двухъ лѣтъ, мы невольно припоминаемъ замѣчаніе г. Аксельрода о томъ „пренебреженіи къ печатному слову“, какое господствовало въ великорусскихъ революціонныхъ кружкахъ 70-хъ годовъ, о той „ранговой лѣстницѣ революціонной преданности, въ которой (лѣстницѣ) революціонная пресса едва удостоивалась занять послѣднюю ступень“, о той „шаблонности требованій, которая оттолкнула отъ русскихъ революціонеровъ всѣ сочувствовавшіе элементы, по расходившіеся съ ними по второстепеннымъ пунктамъ“. Теперь, когда великорусскіе революціонные круги почувствовали необходимость говорить не только со своими товарищами, но со всѣмъ обществомъ, облепять цѣли и средства, формулировать программы, — теперь то и видны горькіе плоды этихъ и подобныхъ ошибокъ недавняго прошлаго. Заявленія и программы великорусскихъ революціонныхъ фракцій, довольно обильны въ послѣднее время, хотя по большей части провозглашаются чрезвычайно догматически и непрѣмлю отъ „партіи“ и даже, до самаго недавняго времени, непрѣмлю отъ всей русской социальнореволюціонной партіи, какъ чего то единого и нераздѣльнаго, — тѣмъ не менѣе изложены почти всегда крайне отрывочно (часто не смотря на излишнюю длинноту), неполно, сбивчиво, то крайне абстрактно, то слишкомъ конкретно и мелко, и часто противорѣчиво. При этомъ часто видно, что дѣло редакціи программъ, т. е., въ сущности, дѣло принциповъ, все еще остается второстепеннымъ въ великорусскихъ революціонныхъ кругахъ, такъ какъ иногда встрѣчаешь чуть не авторовъ извѣстныхъ заявленій и программъ, которые на распросы ваши относительно смысла какихъ либо частей ихъ, отвѣчаютъ въ такомъ родѣ: „этому не должно, впрочемъ, придавать серьезнаго значенія“. Затѣмъ, перѣдки случаются дѣйствіи членовъ различныхъ фракцій въ духѣ, совершенно противномъ сдѣланному печатно заявленіямъ. Анонимность большей части заявленій и программъ, конечно, помогаетъ такому легкому къ нимъ отношенію ихъ сторонниковъ, а иногда и авторовъ.

Всѣ эти и подобныя черты крайне затрудняютъ критику принципиальной сто-

роны великорусскаго революціоннаго движенія послѣднихъ лѣтъ.

Несомнѣнно, что въ немъ замѣчается желаніе выйти на новые пути, стать практичнѣе, ближе къ потребностямъ населенія страны. Это уже одно должно обусловливать необходимость признанія и его разнообразій, которыя требуютъ и разнообразныхъ приемовъ дѣйствій, и такимъ образомъ должно наклонять великорусскихъ революціонеровъ къ болѣе или менѣе федеративной программѣ. Въ пользу послѣдней дѣйствуютъ и преданія 60-хъ годовъ, которые все же были лучшею эпохою великорусской революціонной литературы. Эти преданія оставили за собою по крайней мѣрѣ федерально-анархическій языкъ, если не отчетливыя идеи и представленія. Къ тому же одна громадность Россіи дѣйствуетъ на чувства, если не на мысли, такъ внушительно, что рѣдко кто изъ великорусскихъ революціонеровъ рѣшается высказаться противъ необходимости ея федеральнаго строя, — и необходимость автономіи ея общинъ составляетъ непрѣмлю общее мѣсто всѣхъ великорусскихъ программъ и послѣдняго времени.

Тѣмъ не менѣе, даже и эти программы, — не говоря уже о другихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ великорусскихъ революціонеровъ, заставляютъ признать вѣрность замѣчанія, высказаннаго тѣмъ же г. Аксельродомъ въ вышеупомянутой статьѣ „Переходное время партіи“:

„А сколько среди насъ такихъ, которые склоняются къ якобинству, даже и не подозревая этого! Правда, у насъ очень мало сознательныхъ и послѣдовательныхъ якобинцевъ, по вѣдь безсознательность и есть злѣйшій врагъ человѣческаго счастья и развитія“.

Безспорно, самая дѣятельная и, по всей вѣроятности, самая многочисленная часть великорусскихъ революціонеровъ, это т. п. „партія террористовъ“ или „Народной Воли“. И вотъ въ ней то и заключается наиболѣе зародышей централистическихъ, якобинскихъ. Якобинизмъ этотъ теперь еще пока болѣе безсознательный, — такъ какъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые видные члены партіи признаютъ себя федералистами. Такимъ заявилъ себя въ своей послѣдней рѣчи Желябовъ. Кромѣ этой извѣстной всѣмъ рѣчи мы имѣемъ другое интересное свидѣтельство, — письмо къ намъ Желябова, писанное въ 1880 г., которое мы еще не считаемъ возможнымъ напечатать цѣликомъ, но изъ котораго считаемъ уместнымъ привести слѣдующее мѣсто:

„Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмъ *)... за Учредительное Собраніе (созваніе котораго программа исполнит. комитета поставила ближайшаго цѣлю). Во первыхъ, не хотѣя понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидационная коммиссія, а во вторыхъ, можно ли въ программу

*) Желябовъ имѣлъ въ виду возраженія „нарольниковъ“ и „украинцевъ“; солидарностью съ послѣдними, какъ видно и по другому мѣсту письма, онъ очень дорожилъ.

ближайшихъ требованій вносить такія, за которыя нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши феніи, Парпель? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, — а ставишь ближайшею задачей требованія политическія; видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части, — и требуешь Учредительнаго Собранія! Не велика заслуга предъ отечествомъ — аскета-хранителя общественнаго идеала. Мы по крайней мѣрѣ предпочли бытъ бытъ мірянами“.

(12 Мая 1880 г.)

Изъ этихъ словъ видны, какъ федеративныя стремленія самого Желябова, такъ и то, что эти стремленія встрѣчали себѣ „изступленныхъ враговъ“. Письмо не говоритъ, въ какой средѣ были эти враги, но мы врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что авторъ письма имѣлъ въ виду и ближайшіе къ нему русскіе революціонные круги. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ основаніе предполагать и послѣдніе, такъ какъ намъ случалось не разъ на наши мнѣнія о необходимости признанія со стороны русскихъ политическихъ революціонеровъ національнаго разнообразія Россіи и заявленія ясной федеративной программы, получать изъ этихъ круговъ возраженія, изъ которыхъ самыя умѣренныя были въ такомъ родѣ: „мы этого не понимаемъ“, или: „для насъ эта необходимость вовсе не такъ ясна, какъ для васъ“ и т. п. Конечно, что въ болѣе широкихъ кругахъ „русскаго“ общества „ожесточенныхъ враговъ“ федерализма, — и притомъ вполне сознательныхъ и даже прямо заинтересованныхъ въ національно-государственномъ великорусскомъ централизмѣ, — находится еще болѣе, чѣмъ въ кругахъ революціонныхъ, — и крайне характерно, что люди, въ родѣ Желябова, которые, казалось бы, отбросили страхъ передъ какими бы то ни было предрассудками русскаго общества, считали однакожъ нужнымъ уступать „ожесточеннымъ врагамъ“ федерализма.

Въ выписанныхъ словахъ Желябова есть еще одна очень характерная черта. Признавая необходимость оппортунистически считаться съ „ожесточенными врагами“ децентрализаци, Желябовъ также оппортунистически указываетъ на практическую слабость сознательныхъ децентралистическихъ элементовъ въ Россіи, имѣя въ виду преимущественно Украину, которую такъ часто сравнивали съ Ирландіею. Гдѣ украинскіе феніи? Парпель? — спрашиваетъ Желябовъ, — и очевидно, хотѣтъ сказать, что будь они въ наличности, то онъ бы и его друзья не ограничились требованіемъ созванія Учредительнаго Собранія для единой и нераздѣльной Россіи, а поставили бы въ свою программу и требованія такого или иного home rule (домашняго управленія, автономіи) для разныхъ націй и областей теперешняго русскаго государства. Интересно, что это скептическое ожиданіе отъ Украинскихъ феніевъ и Парпелей вылилось изъ подъ пера уроженца одной изъ украинскихъ же губерній, которому никто не мѣшалъ са-

мому явиться однимъ изъ своего рода фе-
пиевъ. Вообразите себѣ, что ирландскіе дѣ-
тели стали бы ждать, пока это появится
на ихъ родинѣ home-rulers, а до тѣхъ
поръ признавали бы себя англичанами, сто-
рошиками великобританской централизаціи.
Не скоро бы тогда Ирландія дождалась
Парилей! А между тѣмъ таковое отношеніе
обрусѣлыхъ „окраинцевъ“ къ своимъ род-
нымъ краямъ и къ ихъ населеніямъ въ
Россіи. На Украинѣ напр. обрусѣлая „интел-
лигенція“, даже пазывающая себя народни-
ками, или совсѣмъ сторонится отъ всего
мѣстно-народнаго и даже относится враж-
дебно ко всякому напоминанію о мѣстно-
народномъ элементѣ,—или, при всей благо-
склонности къ нему, не идетъ далѣе полу-
скептическаго ожиданія и вызова: подайте
же намъ вашу украинскую культуру, укра-
инскую политику, социализмъ, революцію!
Какъ будто все это долженъ подать кто
нибудь другой, а не сами вызывающіе, ко-
торые должны бы всѣ, массою, сблизиться
съ народомъ, ихъ вскормившимъ, ихъ окру-
жающимъ!

Вотъ изъ такихъ то элементовъ: изъ
„ожесточенной вражды“ къ федерализму
однихъ, изъ непониманія его настоятельной
нужды другими, изъ уступокъ вышеупомя-
нутой враждѣ третьихъ, изъ недостатка ини-
циативы для энергическаго разрыва съ со-
словнымъ и государственнымъ воспитаніемъ
четвертыхъ и т. п. и т. п., — и складыва-
лись вездѣ на материкѣ Европы тѣ явочныя
теченія, которые давали даже революці-
оннымъ движеніямъ, начавшимся изъ за
желанія доставить населеніямъ всяческія
свободы, такое направленіе, которое только
переносило самодержавную власть надъ на-
селеніями изъ рукъ одного центрально-го-
сударственнаго учрежденія въ руки друго-
го, — почти не расширяя реальныхъ правъ
лицъ и группъ, изъ которыхъ состоятъ эти
населенія. Вотъ почему такъ насъ и пу-
гаютъ признаки подобныхъ же теченій и въ
начинающемся русскомъ революціонномъ
движеніи! Вотъ почему мы считаемъ нуж-
нымъ настаивать на необходимости по край-
ней мѣрѣ для революціонныхъ круговъ ра-
дикальнаго разрыва со всѣми централисти-
ческими, государственно-національными иде-
ями и привычками!

Къ сожалѣнію, въ кругахъ русскихъ „тер-
рористовъ“ почти не замѣтно желанія по-
учиться на горькомъ опытѣ другихъ евро-
пейскихъ революцій, — а напротивъ того,
слишкомъ много видно признаковъ фаталь-
наго увлеченія на тѣ дороги, которыя при-
несли такъ много бѣдствій другимъ евро-
пейскимъ странамъ. Какъ еще ли тѣсны
предѣлы дѣятельности русскихъ политиче-
скихъ революціонеровъ, но на нихъ уже
видна справедливость замѣчанія, что „во
всякой странѣ оппозиція прежде всего скла-
дывается по типу того правительства, съ
которымъ она борется“.

Сложившееся въ послѣднее время актив-
ное революціонное движеніе въ Россіи прояви-
ло себя прежде всего убійствами, которымъ и
соціалисты считаютъ возможнымъ придавать
имя *казней*! (И это послѣ Р. Оуэна и другихъ

отцевъ социализма и ученія о *неизбѣжности*!)
Затѣмъ, когда въ русскихъ революціонныхъ
кругахъ явился опытъ прочной организаціи, то
она, выбравши себѣ спеціальностью эти казни,
приняла ими „исполнительнаго комитета
соціально-революціонной партіи“, — между
тѣмъ какъ условія жизни въ Россіи отни-
мали всякую возможность организаціи едино-
мысленниковъ какого бы то ни было на-
правленія, выбора ихъ представителей, со-
вѣстнаго опредѣленія цѣлей и средствъ
дѣятельности, словомъ, всего того, о чемъ
говорятъ слова: *партія, комитетъ, испол-
нительный*. Очевидно, что кружокъ, назвав-
шій себя „исполнительнымъ комитетомъ
р. с. р. партіи“, — былъ просто кружкомъ
волонтеровъ, члены котораго могли пред-
ставлять только самихъ себя. Даже для са-
маго успѣха дѣла, онъ и долженъ бы былъ вы-
ступить, какъ такой кружокъ волонтеровъ,
дѣйствующихъ на свой страхъ, берущихъ
на свои личныя совѣсти дѣйствія, но всякой
человѣческой логикѣ, а особенно по социали-
стической, — явно ненормальныя, объясняе-
мыя только аномальностью же и системы
русскаго правительства. Но такъ поступила
только одна карательница агентовъ этого
правительства, — Вѣра Засуличъ. Непосред-
ственные ея послѣдователи сочли за лучшее
назвать себя „исполнителями“ воли цѣлой
партіи, — и приняли на себя видъ своего
рода правительственнаго трибунала, а по-
томъ и своего рода правительства; они до-
шли даже до употребленія въ своихъ изда-
ніяхъ словъ „агенты исполнительнаго ко-
митета“! Больше года не только исполня-
лись имъ отъ имени партіи разныя судебныя
приговоры, основанія которыхъ никто, кро-
мѣ самихъ исполнителей, не могъ провѣ-
рить, но и заявлялись разныя общія мнѣнія:
о европейскомъ социализмѣ и русскомъ на-
родничествѣ, (о необходимости снятъ съ со-
циализма въ Россіи нѣмецкую его одежду
и одѣть его въ русскую сермягу и взять
себѣ въ примѣръ даже раскольниковскихъ
пророковъ и пророчицъ), объ отношеніяхъ
соціалистовъ къ буржуазіи, либерализму и
монархіи (съ которою думала мириться
прокламація „Смерть за смерть“, а особенно
г. Мирскій) и т. п., — мнѣнія, весьма и
весьма спорныя, и часто противорѣчивыя, —
но всегда заявляемыя торжественно отъ
имени цѣлой русской соціально-революці-
онной партіи.

Между тѣмъ въ этой „партіи“ существо-
вали крупныя разногласія, — которыя нако-
пецъ вышли и въ печать, именно тогда,
когда „террористы“ стали выбираться изъ
противорѣчій и тумана руссофильскаго на-
родничества первыхъ номеровъ „Земли и
Воли“ къ болѣе определенной постановкѣ
вопроса о политической свободѣ на обще-
европейскихъ основаніяхъ. „Народники“ рѣ-
шились отделиться, — и такимъ образомъ
въ 1880 г. вмѣсто одного органа р. с. р.
партіи оказалось два: „Народная Воля“ и
„Черный Передѣлъ“, — при чемъ первая,
органъ „исполн. комитета р. с. р. партіи“
должна была объявить, что „исполн. коми-
тетъ“ вовсе не представляетъ собою всю
партію, а есть „совершенно самостоятельное

тайное общество“, т. е., другими словами, что
это и не „исполнительный“, и не „комитетъ“.
А между тѣмъ имя это за нимъ осталось; —
почему? — Потому что уже оно имѣло за
себя извѣстную традицію! Соображеніе чи-
сто династическаго, а не революціоннаго
характера.

На этомъ дѣло не окончилось. Органъ
исполнительнаго комитета принялъ названіе
„Народная Воля“. Мы помнимъ смущеніе,
какое обнаружилось въ нѣкоторыхъ кругахъ
русской эмиграціи, болѣе образованныхъ по-
литически и сохранившихъ память объ ан-
архическихъ идеяхъ, — когда телеграммы
въ заграничныхъ газетахъ возвѣстили о вы-
ходѣ въ Петербургѣ „Народной Воли“ и
перевели это имя словами: „La volonté du
peuple“, „Die Volkswille“. Эмигранты на-
ходили переводъ неправильнымъ и съ своей
стороны понимали слово „Воля“, какъ Воле-
ность, Свобода, — почему и въ нѣсколькихъ
печатныхъ заявленіяхъ около того времени
и въ „Revolté“ переводили имя новой га-
зеты „La liberté du peuple“. Скоро однако
жъ подтвердилось, что издатели „Народной
Воли“ разумѣютъ послѣднее слово дѣйстви-
тельно въ смыслѣ „желанія“, „рѣшенія“, —
la volonté.

„Народная Воля“ и прокламація исполни-
тельнаго комитета не разъ объявляли, то
что они провозглашаютъ „волю народа“, то
что они имѣютъ цѣлью добиться для народа
возможности провозгласить свою волю, —
передъ которой сами заявляли (и за себя,
и даже за партію) готовность преклониться.
И при этомъ „партія Народной Воли“ за-
являла, что она стремится къ установленію
въ Россіи „политической свободы“.

Но вѣдь понятіе о „народной волѣ“ по-
чти противоположно понятію о „политиче-
ской свободѣ“!

Политическая свобода это прежде всего
совокупность извѣстныхъ правъ личныхъ,
неотъемлемыхъ ни для кого, ни даже для
воли народа, — потомъ, правъ группъ, — само-
управленіе общинъ и областей. Союзъ об-
щинъ и областей, въ предѣлахъ одного
народа (націи) или нѣсколькихъ, только и
необходимъ (кромѣ достиженія извѣстныхъ
цѣлей, нравственныхъ и экономическихъ, тре-
бующихъ большихъ матеріальныхъ средствъ)
для охраны названныхъ выше видовъ сво-
боды, — каковая цѣль лучше всего достига-
ется, если и этотъ союзъ, обыкновенно
называемый государствомъ, будетъ основанъ
на началѣ выборнаго, народнаго, представите-
ства. Но уже изъ сейчасть сказаннаго видно, что
въ такимъ образомъ построенномъ (спизу
вверхъ) политически свободномъ государствѣ
сама „народная воля“ получаетъ весьма огра-
ниченную роль, — но за то народная свобода,
или лучше свобода всѣхъ живыхъ состав-
ныхъ частей народа, сохраняетъ самое ши-
рокое значеніе. Совсѣмъ иное получается,
если мы начнемъ построеніе государства
сверху внизъ: отъ народа и его воли. Эта
послѣдняя на практикѣ не можетъ быть
ничѣмъ инымъ, какъ только волею боль-
шинства, — а въ государствахъ большихъ, —
столь отличныхъ отъ древнихъ государствъ
общинныхъ или кантональных, — ничѣмъ

инимъ, какъ волею большинства представи-
телей большинства народонаселения. Очеви-
дно, что самодержавіе такой „волн“ тѣмъ болѣе
часто можетъ идти совершенно въ разрѣзъ
съ интересами значительной части населе-
нія и существеннѣйшими правами лицъ,
группъ, областей и даже націй. Приба-
вимъ, что самодержавіе народное, — пря-
мое (въ общинахъ и кантонахъ) и пред-
ставительное, — не исключаетъ учрежденія
диктатуры, на которую перепослается права
народнаго самодержавія, какъ это понималось
и въ древнихъ общинно-кантональных респу-
бликахъ, и въ римской имперіи, и во француз-
ской якобинской республикѣ съ ея колло-
гической диктатурой Comité de salut publi-
que, и въ бонапартовскихъ имперіяхъ, какъ
это понимается и легитимистами новой
Европы и въ Россіи напр. великороссійскими
славянофилами, — и мы тѣмъ яснѣе увидимъ
все различіе понятій „народная воля“ и
„политическая свобода“.

Впрочемъ, все это весьма обстоятельно
разъяснено цѣлою литературою, которая
образовалась послѣ якобинской революціи
въ XVIII вѣкѣ, — трудами европейскихъ
политическихъ писателей разныхъ напра-
вленій, консервативнаго, либеральнаго и
соціалистическаго, — писавшихъ о „госу-
дарствѣ и его предѣлахъ“. Но эта литера-
тура, кажется, столь же мало извѣстна ре-
волюціонерамъ, какъ и правителямъ въ
Россіи, которые, каждый по своему, гово-
рятъ во имя народа, его блага, воли и т. п.
Только этимъ незнаемъ, да недостаточнымъ
анализомъ настроенія дѣйствительнаго „на-
рода“ въ Россіи, въ томъ числѣ и народа
ея господствующей національности, можно
объяснить то, что „исполнительный комитетъ“
объясняетъ за себя и, можно сказать,
за своихъ послѣдниковъ подчиниться „на-
родной волѣ“, какова бы она ни была, лишь
бы она была свободно (?) выражена.

Въ частности, для лицъ, произносящихъ
подобныя обѣщанія, опасность отъ необхо-
димости исполнять ихъ еще не очень близка.
Практическій вредъ подобныхъ обѣща-
ній, какъ и всѣхъ политическихъ доктринъ,
и государственныхъ приемовъ „русскихъ
террористовъ“, заключается въ томъ, что
они вовсе не колеблютъ идеи государствен-
но-централистическаго самодержавія, а толь-
ко переносятъ его въ другія руки. Отсюда
происходитъ и та робость покуситься на
радикальное отрицаніе существующихъ по-
литическихъ отношеній, какая видна и въ
письмѣ Желябова, — въ слабостъ развитія
идеи областной свободы въ „программѣ ис-
полнительнаго комитета“, въ совершенномъ
умолчаніи ея вопроса о правахъ національ-
ностей и въ сокрытіи разнообразнаго насе-
ленія Россіи подъ именемъ русскаго народа *).

* Въ „Программѣ исполнительнаго комитета“
находимъ, правда, въ раздѣлѣ В замѣчаніе, что въ
народѣ (?) существуетъ, въ числѣ „старыхъ, тради-
ционныхъ принциповъ... зачатки федеративнаго ус-
ройства“, — а въ раздѣлѣ Г желаніе „широкаго об-
ластного самоуправленія, обезпеченнаго выборностью
всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и эко-
номической независимостью народа“, — но тутъ „об-
ласть“ какъ то смѣшана съ „міромъ“ (общиною),
въ вопросу о которомъ любятъ сводить всѣ разго-

Можно бы было подумать, что русскіе тер-
рористы желаютъ сохранить централизован-
ную машину русской имперіи для того,
чтобы „на другой день переворота“ ея
воспользоваться для своихъ цѣлей, какъ это
было столько разъ съ революціонерами дру-
гихъ европейскихъ странъ. Но самое худшее,
это то, что не подорванная даже въ теоріи
эта машина, — даже въ случаѣ созыва Учре-
дительнаго Собранія или просто всероссій-
скаго Земскаго Собора, — можетъ послужить
совсѣмъ не революціонерамъ, — болѣе или
менѣе социалистамъ, — а кому нибудь дру-
гому, напр. консервативно-бюрократической
диктатурѣ съ легкими починками, какъ это
сталося напр. въ Австріи послѣ 1849 г.
Вотъ почему и желательно бы было, чтобы
въ числѣ другихъ общественныхъ элемен-
товъ и „русскіе террористы“ передумали
болѣе систематически надъ вопросомъ о
дѣйствительной политической свободѣ, кото-
рой нѣтъ безъ децентрализаціи — общинной,
областной, національной. Вопросы о націо-
нальностяхъ имѣютъ ту полезную сторону,
что они разлагаютъ представленіе объ едино-
образіи состава населенія государства, про-
тиводѣйствуютъ стремленію къ смѣшенію
идей о народѣ (націи) и государствѣ и
такимъ образомъ наглядно ставятъ вопросъ
о децентрализаціи и о предѣлахъ власти
вообще.

Въ самое послѣднее время „исполни-
тельный комитетъ“ показалъ, что и онъ
не совсѣмъ глухъ и слѣпъ къ вопросу о
національномъ и областномъ разнообразіи
населенія Россіи. Крупный фактъ антиеу-
рейскаго движенія среди украинскаго насе-
ленія подѣйствовалъ и на него, — а съ
другой стороны, и до него проникла идея,
которая начинаетъ ходить и среди рус-
скихъ революціонеровъ, — исходя преимуще-
ственно изъ южныхъ кружковъ, — о не-
обходимости воспользоваться для борьбы
противъ монархическаго строя всѣми остат-
ками свободныхъ учреждений и воспомина-
ній въ населеніи различныхъ областей
Россіи. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній
и соображеній исполнительный комитетъ въ
послѣдніе дни сдѣлалъ два шага въ сторо-
ну признанія національнаго и областного
разнообразія того, что онъ называлъ безраз-
лично „народомъ русскимъ“, но, къ сожа-
лѣнію, эти шаги отличаются все такъ от-
рывочнымъ, несистематическимъ характе-
ромъ и не показываютъ должнаго знанія даже
тѣхъ населеній, къ которымъ обращается
„исполнительный комитетъ“ *).

Вопросъ о самоуправленіи великорусскіе революціонеры,
— а передъ этимъ пунктомъ поставленъ другой, по
которому „постоянному народному представитель-
ству“ (т. е. центральному парламенту) предоставленъ
„полная власть во всѣхъ общегосударствен-
ныхъ (?) вопросахъ“. Во всей программѣ нѣтъ ни
слова о разноразнообразности областей Россіи и о
правахъ національных, — а цѣлью теменной ре-
волюціонной дѣятельности поставлено: „отнять власть
у существующаго правительства и передать ее Уч-
редительному Собранію“.

*) Со времени извѣстнаго „униженія наукъ“,
а особенно наукъ, которые казались великорус-
скимъ революціонерамъ „националистическими“, всѣ
ихъ заявленія и дѣйствія отличаются болѣе эм-
пирическимъ характеромъ, — „на ощупь“, — нежели

Мы разумѣемъ двѣ прокламаціи „испол-
нительнаго комитета“, — одну къ украин-
цамъ по поводу противоеврейскаго движенія,
другую къ „славному войску казацкому“. Пер-
вой мы не имѣли въ нашихъ рукахъ и судимъ
о ней по газетнымъ извѣстіямъ и словамъ
немногихъ, читавшихъ ее. Она замѣчатель-
на главнымъ образомъ по своему языку:
это первый опытъ обращенія „исполнитель-
наго комитета русской с. р. партіи“ къ части
населенія Россіи на языкѣ неофициальномъ.
Но, по своему содержанію, прокламація эта,
говорятъ, представляетъ слишкомъ большое
увлеченіе народничествомъ за предѣлы доз-
волительныя для социалистовъ интернаціо-
нальнаго направленія. Въ прокламаціи къ
козакамъ намъ бросилось въ глаза незнаеніе
того, что большая часть кубанскихъ коза-
ковъ — недавніе Черноморцы, наслѣдники
Запорожцевъ, — которымъ совсѣмъ ничего
не говорятъ имена Разина и Пугачева,
какими только и довольствуется проклама-
ція, ни слова не говорящая о Сѣвѣ Запо-
рожской!

Конечно, и въ Петербургѣ обязательно
знать прошлое разныхъ областей, если
уже признано за нужное къ нимъ обра-
щаться съ напоминаніемъ ихъ прошлаго, —
но вообще приспособиться надлежащимъ
образомъ къ условіямъ каждой области мо-
гутъ только мѣстные организаціи, которыя
поставятъ себѣ цѣлью организацію широ-
каго политико-соціальнаго движенія, а не
одни только политическія убійства. Но о
такихъ организаціяхъ, которыя могутъ на-
лежащимъ образомъ сфедерироваться только
снизу вверхъ, — органы великорусскихъ тер-
рористовъ еще не говорили, — а потому и
мы должны оставить эту фракцію велико-
русскихъ революціонеровъ на слабыхъ по-
пыткахъ дифференціаціи ея дѣятельности,
которыя сейчасъ упомянуты и которыя не
измѣняютъ сущности ея узко-великорусскаго
и якобинскаго характера.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Драгомановъ.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

(Отъ нашего корреспондента).

Спѣшу сообщить Вамъ на скорую руку
послѣднія новости, хотя, можетъ быть, Вы
ихъ будете знать еще раньше по телегра-
фу. Графъ Игнатьевъ былъ въ большой
опасности. Оберъ-полицеймейстеръ Козловъ
получилъ письмо, въ которомъ его увѣдо-
мили, что Желябовъ и Перовская являют-
ся каждую ночь автору письма, приказывая
ему убить Игнатьева и Козлова, въ от-
мщеніе за смерть казенныхъ. Но, гово-

систематическимъ, основаннымъ на снѣзѣ. По-
полнить этотъ недостатокъ лежитъ на тѣхъ поко-
лѣніяхъ, которыя еще не застигнуты активнымъ
движеніемъ и находятся въ школахъ, если только
эти поколѣнія употребятъ время зеленой молодос-
ти на изученіе хода политическо-соціальной жизни въ
передовыхъ странахъ Европы и мѣстныхъ условій
разныхъ краевъ Россіи.